

ВОСТОК

Афро-азиатские общества: история и современность

1991

5

Выходит 6 раз в год

Основан в январе 1955 г.

В 1955—1958 гг. выходил под названием «СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

В 1959—1961 гг. выходил под названием «ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ»

В 1961—1990 гг. выходил под названием «НАРОДЫ АЗИИ И АФРИКИ»

Р е д к о л л е г и я

Л. Б. АЛАЕВ
главный редактор
Ю. Г. АЛЕКСАНДРОВ
В. М. АЛПАТОВ
В. И. БРАГИНСКИЙ
А. М. ВАСИЛЬЕВ
В. И. ГЛУНИН
А. В. ГУДЫМЕНКО
зам. главного редактора
А. Б. ДАВИДСОН
А. А. КУЦЕНКОВ
Б. А. ЛИТВИНСКИЙ
А. В. МЕЛИКСЕТОВ
А. М. МОДЕЛЬ
отв. секретарь
Н. И. НИКУЛИН
Э. Е. ОБМИНСКИЙ
Ю. М. ОСИПОВ
И. В. СЛЕДЗЕВСКИЙ
В. Г. ХОРОС
Г. И. ЧУФРИН
В. Л. ШЕЙНИС
Ф. Н. ЮРЛОВ
В. А. ЯКОВСОН

Р е д а к ц и я

В. В. ЗУФАРОВА
Л. С. КАЛЕНОВА
ред. отдела культуры и идеологии
Р. Г. КАНТОРОВИЧ
ред. отдела критики и библиографии
А. Б. КОВЕЛЬМАН
ред. отдела истории
С. С. НИКИФОРОВА
ред. отдела «Научная жизнь»
Н. Г. САБУРОВА
В. Н. СОКОЛОВА

Технический редактор
Г. А. НИКИТИНА

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

РЕФОРМА И РЕВОЛЮЦИЯ

ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕФОРМ: ОПЫТ АРАВИИ И ТУРКЕСТАНА

© 1991

А. И. ЯКОВЛЕВ
С. А. ПАНАРИН

Два последних столетия дали немало примеров стремительного развития стран Востока, уникальных по своим экономическим, этнополитическим и прочим особенностям. Таков опыт развития нефтедобывающих монархий Аравии и дореволюционного Туркестана. Общим для столь различных обществ было средство совершения качественного рывка — реформа.

Проблема реформ стала одной из многих жертв идеологизации общественных наук в СССР. Считалось, что как предмет исследования реформа далеко уступает революциям, превращенным в конце концов официальной наукой в своеобразную самоценность. Очень рано была создана каноническая схема исследования реформ; с определенными либеральными модификациями она применялась и к реформам на Востоке. Главным было доказать внутреннюю ущербность всякой реформы, не сопровождающейся мощным ударом по частной собственности и не отвечающей задаче перехода развивающихся стран на путь социалистической ориентации. Большое внимание уделялось также выявлению классовой сущности реформ. В 70-е годы начали обращать внимание и на их общенациональную значимость; чаще всего это делалось, однако, для смещения итоговой оценки реформ в плоскость рассуждений о противостоянии капиталистического и социалистического лагеря. Реформа же как таковая, как универсальное орудие истории, обладающее только ей присущими закономерностями и свойствами, при этом практически оставалась за кадром.

Когда советское общество вступило в полосу реформ, сразу же обнаружилась скудость накопленных им представлений об этом феномене. В связи с этим стали заново изучать и интерпретировать реформы Петра I, Александра II и Столыпина. Конечно, российская история может многое сказать об отечественных традициях реформ. Но, во-первых, СССР включает целые республики, народы которых в историко-культурном отношении ближе своим восточным и южным соседям по ту сторону советской границы, чем западным и северным — по эту. Во-вторых, изучение эпохи реформ на современном Востоке, эпохи, максимально приближенной к перестройке и по времени, и по сходству исторических условий проведения, может оказаться полезным и для нынешних российских реформаторов.

ИНИЦИИРУЮЩАЯ РЕФОРМА НА ВОСТОКЕ

История реформ насыщена парадоксами. Одни реформы преследовали вроде бы скромные цели, а обернулись настоящим общественным переворотом. Другие претендовали чуть ли не на сотворение нового мира, на деле же их преобразующий эффект оказался незначительным. Видимо, та или иная степень расхождения между словом и делом составляет неотъемлемое свойство всякой реформы.

Любая реформа есть ответ власти на вызов времени, господствующие настроения или прямые требования народа, политическое или какое-либо иное воздей-

ствие внешних сил. Непосредственный толчок реформам дает угроза, притом такая, которая народом осознается как угроза его жизненно важным интересам, властью — как угроза ее существованию.

Реформа также дитя плана или, на худой конец, не отлившегося в стройную программу замысла. Дело реформы персонифицируется в личности или группе личностей, стоящих на вершине пирамиды власти. Таким образом, реформа представляет собой одно из самых отчетливых проявлений субъектной стороны исторического процесса. В то же время то, что реформируется, так или иначе находит отражение в устремлениях и поступках людей, в качестве подданных образующих социальный объект реформаторских усилий. Но подданные, обладают собственным субъектно-историческим потенциалом, и любая, самая заорганизованная реформа создает определенные шансы для претворения этого потенциала в активную силу. Более того, оптимальные результаты реформа может приносить именно в случае превращения большинства народа из пассивного объекта в деятельного субъекта. Поэтому и вся драма реформы, вся череда рождаемых ею парадоксов организуется отношениями между субъектом и объектом, между схематизирующим планом, выношенным реформатором, и богатством летучих ситуаций, создаваемых поведением реформируемых.

Есть реформы, в которых драматичность этих отношений смягчена: они санкционируют, т. е. выводят на уровень правового признания и регулирования, массу изменений, совершенных обществом в ходе его стихийного развития. Но есть и другие — те, что, отталкиваясь от ощущаемых, но неудовлетворяемых общественных потребностей, иницируют важные сдвиги в дореформенных порядках, извне и насильственно вторгаются в устоявшуюся жизнь и потому резко осложняют субъектно-объектные отношения. Такое деление в значительной мере условно, поскольку и те и другие реформы какие-то изменения закрепляют, а какие-то — вызывают. Вместе с тем оно вполне допустимо, так как в рамках тех исторических периодов, на которые приходится проведение конкретных реформ, одни выполняют в основном санкционирующую, другие — в основном иницирующую функцию¹.

В настоящей статье рассматриваются реформы, в которых вызов преобладал над признанием. Это получилось вполне естественно, раз предметом анализа были избраны реформы на Востоке. По различным причинам подавляющее большинство народов Востока не смогли к моменту начала реформ в их странах сами перейти к новому историческому творчеству, самостоятельно выработать нечто большее, чем потребность в переменах, короче — подготовить предпосылки санкционирующей реформы. Следовательно, изучение реформ на Востоке должно концентрироваться на иницирующих реформах.

Такие реформы прилагаются к обществу с очень прочной системой отношений. Этим их парадоксальность и драматизм только усиливаются, а момент реального воздействия мероприятий реформы на общественную систему в целом превращается в основной критерий типологизации иницирующих реформ. Тогда все они могут быть сведены к двум главным типам. Первый тип — это реформы системы (или «революция сверху»), второй — реформы внутри системы («модернизация»).

Воздействие реформ первого типа преодолевает сопротивление защитных механизмов реформируемой системы общественных отношений. Оно распространяется по всем составляющим (подсистемам) системы, по ее пространственной горизонтали и социальной вертикали, от столицы до захолустья, от экономики до идеологии, от интеллектуальной элиты до каких-нибудь охотничьих племен. Но при этом оно вовсе не обязательно приводит к разрыву с прошлым, полной смене институциональных форм отношений; и оно далеко не равномерно ощущается на разных уровнях социальной жизни, в разных уголках национальной территории. Главное здесь в том, что реформа, с одной стороны, необратимо нарушает равновесие старой системы, с другой — обеспечивает появление и рост внутри нее отношений, способных самоорганизоваться в новую систему.

¹ Относительно чистым примером первой мы бы назвали парламентскую реформу 1832 г. в Англии, второй — те же реформы Петра I.

Принципиальное отличие реформы второго типа заключается в том, что она не создает импульса к самоорганизации общества или этот импульс слаб и для его возобновления требуются все новые туры реформ. Без них результаты такой реформы всегда обратимы. Тут обычно прослеживаются два основных варианта. Вариант первый: реформа задумана и начата как реформа системы, но ее воздействие слишком мягко, щадяще, само по себе бессистемно и т. п. Реформатор рассчитывает внедрить новые институты, не затрагивая старые, либо теснит их выборочно, чрезмерно осторожно, с опозданием. При подобной тактике старая система сохраняет способность к воспроизводству и рано или поздно подчиняет законам своего функционирования новшества, принесенные реформой. Вариант второй: субъект реформы вообще не нацелен на преобразование системы, полагает ее исторически перспективной, а свою задачу видит лишь в том, чтобы повысить коэффициент ее полезного действия. Но такой подход применим скорее при санкционирующей реформе, чем при иницилирующей: при нем средства, избираемые реформатором не отвечают состоянию объекта (ориентированы на динамичное, а не на статичное общество), да и с целью реформ стыкуются плохо (приспособлены для закрепления еще не совершившихся изменений).

Каждая реформа имеет свою внутреннюю логику развития, отражающуюся в ее этапах или фазах. Все это можно какое-то время не замечать или «подправлять», но невозможно полностью подчинить воле субъекта. История Востока последних десятилетий показывает, например, что при наличии благоприятных условий даже «фрагментарная модернизация» способна вызвать серьезные перемены, причем и в тех сферах, которые она в общем-то должна была обойти стороной. И есть примеры другого рода, когда власть усложняла и искажала ход реформ, провоцировала своими действиями их отторжение обществом, так как либо игнорировала условия успеха реформ, либо ожесточенно цеплялась за выборочный характер преобразований, не желая замечать того, что под влиянием кумулятивного эффекта изменений сами реформы вышли на новый, требующий новой политики, этап.

Как показал опыт всех без исключения стран Востока, одним из главных условий успешного проведения реформ является «психологическое изменение» общества, его готовность к переходу от статичного состояния к ускоренному развитию². Важным условием успеха следует считать также своеобразное «забегание» реформатора в понимании проблем и постановке новых целей общества. Такое «забегание», особенно когда оно происходит скорее в области идей, чем в области действий, может весьма способствовать прорыву общества на более высокий уровень развития. Правда, когда лишенный эффективной обратной связи реформатор отрывается от реальности и пытается с ходу внедрить самые смелые свои прозрения в реальную жизнь, оно чревато срывом преобразований с последующими тяжелыми последствиями для всего общества и самого субъекта реформ. В целом же условия для успешного проведения реформ редко наличествуют в полном наборе и объеме. Уже поэтому в сами основания процесса реформ заложены потенциальные исходные противоречия. В ходе реформ они выливаются в конфликты и в зависимости от того, как исторически складывалось взаимодействие между субъектом и объектом, могут в конечном счете ускорять движение реформ или блокировать его. Это противоречия, органические реформам, неизбежные, могут быть и не решаемы средствами самой реформы. Возможно возникновение противоречий, обязанных своим появлением либо волюнтаризму субъекта, либо вмешательству извне, либо каким-то другим обстоятельствам, не унаследованным от прошлого, а возникшим в ходе реформ. Это противоречия, не органические реформам, в принципе избегаемые и решаемые средствами реформы.

Задачу настоящей статьи мы видим в том, чтобы попытаться выявить главное, генерализирующее противоречие, присущее каждому из двух выделенных нами типов иницилирующей реформы. Ее актуальность определяется, на наш взгляд, нынешним состоянием советского общества, когда начатая по инициативе сверху реформа внутри системы обнаружила тенденцию к перерастанию в реформу си-

² W. Rostow. *Politics and the Stages of Growth*, Cambridge, 1971, p. 26.

стемы, но одновременно — к резкому обострению противоречий между субъектом и объектом. В этом кроется главная причина пробуксовки перестройки; вместе с тем существует ряд других причин, и среди них — неполнота научных представлений в СССР о реформе как особом историческом феномене.

Для решения нашей задачи было необходимо провести сравнительное исследование. При выборе объектов сопоставления мы не стали выходить за пределы Востока. В качестве одного из таких объектов был избран мусульманский регион в составе СССР, который до 1917 г. назывался Туркестанским краем или Туркестаном³. Для сравнения с проводившимися здесь в 70—80-х годах XIX в. реформами были взяты реформы 60-х годов нынешнего столетия в нефтяных монархиях Аравийского полуострова. Оснований для такого сравнения, на наш взгляд, немало:

— оба региона принадлежат миру ислама, а это означает, что населяющие их народы причастны к общему культурному наследию, которое заявляло и заявляет о себе глубоко укоренившимися ценностями и нормами поведения, восходящими к шариату;

— в ареале исламской цивилизации оба региона занимали последние столетия периферийное положение, оставались оплотами традиционализма в наиболее его застойном варианте;

— к началу реформ в обоих регионах основная масса населения занималась земледелием и скотоводством (правда, в принципиально разных пропорциях), вела экономическую деятельность в рамках сходных хозяйственно-культурных типов, вместе образывавших доиндустриальную систему производительных сил;

— и там, и тут в социальной организации дореформенного общества господствовали патриархальные институты, огромное место занимала религия, весьма велико было значение родо-племенных связей, патронатных отношений и локально-культурных объединений;

— и аравийский, и туркестанский регионы поначалу интересовали колониальные державы лишь в плане обеспечения геополитических интересов;

— и в Аравии, и в Туркестане внешнее влияние выразилось первоначально в ограничении политического суверенитета (в Аравии — частичном, в Туркестанском крае — абсолютном) и переориентации народного хозяйства на производство одного вида сырья (в первом регионе — сырой нефти, во втором — хлопка);

— в обоих регионах общественная трансформация была бы равнозначна прорыву из застойного средневекового состояния общества в качественно иное, определяемое динамичным развитием индустриальных и постиндустриальных производительных сил, созданием современной физической и социальной инфраструктуры, становлением демократических институтов и самостоятельной личности.

Вполне очевидна значительная близость между аравийским и туркестанским регионами по их объективным характеристикам. Однако, если черты сходства образовались вследствие длительного действия сближающих судьбы двух регионов тенденций развития, различия в большинстве своем рождены конкретно-историческими ситуациями, сложившимися к началу реформ и во время их проведения. Поэтому, хотя ситуационно обусловленные различия между Аравией и Туркестаном и повлияли на реформы, их темп, интригу, идеологический антураж, формы реализации, ближайшие последствия, они не имеют принципиального значения для решения нашей исследовательской задачи.

Более серьезным представляется другое различие. При явном сходстве двух сегментов исторического пространства реформ, сами реформы приходятся на разные отрезки исторического времени. Поэтому с уверенностью можно предположить, что Туркестан и Аравия покажут нам разные типы реформ. Но уж если тот или иной тип утвердился в том или ином регионе и если он правильно идентифицирован, несовпадение временных отрезков вряд ли сыграет существенную роль при таком сопоставлении, цель которого — выявление автономных закономерностей.

³ В него входили южная часть Казахстана, полностью территория современного Кыргызстана, подавляющая часть Туркмении и Таджикистана, Ферганская долина, Ташкент и Самарканд с прилегающими районами.

стей и свойств, присущих разным типам реформ. Соответственно не играет роли и строгий хронологический порядок; поэтому мы вначале рассмотрим опыт сравнительно недавних реформ в аравийских государствах, а затем в его свете проанализируем более отдаленные по времени реформы в Туркестанском крае.

РЕФОРМЫ СИСТЕМЫ В АРАВИЙСКИХ МОНАРХИЯХ

Приступая к реформам, власть предлагает перемены, идеи которых уже распространены в обществе достаточно широко или, как минимум, имеют определенное число сторонников и носителей, т. е. некую социальную поддержку. Была ли к началу реформ такая поддержка в аравийских монархиях?⁴

Для разных социальных групп общим было недовольство отсталостью своих стран, колониальной структурой их экономики и прозападным курсом внешней политики. По вопросам о новых целях развития и средствах их достижения в аравийском обществе шло размежевание. На одном его полюсе концентрировались могущественные традиционные силы, выступавшие за возврат к былому изоляционизму, но при использовании нефтяных богатств, «посланных Аллахом». Эти силы возглавлялись мусульманским духовенством и шейхами ряда племен. На другом полюсе находились леворадикальные силы. В Саудовской Аравии им удалось создать свои организации, в том числе марксистский Фронт национального освобождения. Они первыми предложили развернутую программу коренных преобразований (преодоление экономического засилья иностранных нефтяных компаний, развитие национальной промышленности, ликвидация неграмотности, принятие конституции, проведение политики нейтралитета). Но непримиримо-антимонархическая позиция существенно сужала их социальную базу. В целом же позиции обеих полярных группировок частично расходились, частично совпадали с настроениями более широких слоев общества, но ни та, ни другая не были настолько сильны, чтобы самостоятельно решать основные вопросы жизни аравийских монархий.

Наиболее мощную поддержку идеи перемен обрели в среде местных жителей, связанных с нефтяной промышленностью. Нефтяные анклавы АРАМКО и других компаний стали очагами развития и распространения капитализма на полуострове. Недавние феллахи, бедуины, рыбаки и ловцы жемчуга получали там навыки современного труда, представление о современном образе жизни, а главное — источник постоянного заработка. Компании поощряли наиболее предприимчивых, передавая им небольшие подряды и оказывая содействие в заведении собственного дела. Для снижения издержек они начали подготовку технических кадров из местных жителей, способствуя тем самым зарождению национальной интеллигенции. Вокруг западных предприятий со временем возникла прослойка аравийских предпринимателей, занятых наймом рабочих, посредническими и торговыми операциями, выполнением мелких заказов.

Все эти люди не хотели терпеливо нести тяготы средневекового образа жизни. Конец 40-х — начало 50-х годов в Саудовской Аравии отмечены массовыми выступлениями рабочих-нефтяников, поддержанных частью торговцев и управленческого персонала. Именно это движение, а также свержение монархических режимов в Египте в 1952 г. и в Ираке в 1958 г. подтолкнули правящие группы к проведению реформ.

Не меньшее, если не большее значение имел внешний фактор. Богатые нефтью аравийские монархии, и прежде всего Саудовская Аравия, играли жизненно важную роль в мировом капиталистическом хозяйстве. Западные монополии стремились во что бы то ни стало сохранить контроль над нефтяным Эльдorado, для этого они готовы были поступиться частью прибылей. Для них становилась все

⁴ Анализ аравийских реформ основывается на материалах, использованных одним из авторов при подготовке следующих работ: А. И. Яковлев. Саудовская Аравия и Запад. М., 1982; *он же*. Рабочий класс и социальная эволюция нефтяных монархий Востока. М., 1988; *он же*. Реформы и социальное развитие нефтяных монархий. — Народы Азии и Африки. 1988, № 2.

более выгодной и переработка сырья на месте с использованием дешевой рабочей силы, позднее — передача устаревших отраслей промышленности в руки местных предпринимателей и национального государства, наконец, создание рынка сбыта, для которого требовался потребитель с определенным уровнем спроса. Таким образом, для Запада выгода от реформ была несомненной.

Деятельность Запада в Аравии нельзя, разумеется, свести исключительно к меркантильным целям. Были и бесплатные больницы и школы, был даже случай использования американской военно-транспортной авиации для перевозки паломников в Мекку. Так или иначе, с 60-х годов деятельность Запада стала служить внешней опорой реформ. Первым и главным следствием этого явилась активизация экономической жизни в аравийских монархиях.

Весьма существенной предпосылкой успешного проведения реформ было и то, что их инициаторы могли использовать опыт других стран: Великобритании, Германии, Японии, дореволюционной России, Турции и Ирана. Этот опыт предлагал не только проверенные общие принципы преобразований, но и разнообразные варианты их практической реализации. К тому же мировой опыт поступал в страны Аравии главным образом напрямую — через советников и консультантов из МБРР, МВФ, других международных организаций, приглашаемых западных специалистов.

При таком специфическом соединении особенностей, отличавших национальную социальную структуру в ее объектном качестве с совокупным воздействием всех компонентов внешнего фактора, непосредственный инициатор реформ в лице верховной власти получал значительные субъектно-исторические преимущества. Это резко повысило значение в проведении реформ личностей самих верховных правителей. Правящие династии смогли выдвинуть из своих рядов энергичных лидеров, верных интересам династии и вместе с тем достаточно гибких для того, чтобы вывести общество из отсталости. В начале 60-х годов к власти в Саудовской Аравии пришел Фейсал, в Кувейте — Абдалла ас-Салим, в начале 70-х годов в Омане — Кабус, в Катаре — Сальмин.

Программу преобразований ранее других провозгласил саудовский король. В сфере политической он декларировал принятие конституции и введение представительных органов, в экономической — создание национальной промышленности, в социальной — всеобщее бесплатное образование и здравоохранение. В те годы это было явное «забегание». Но оно не превратилось в губительный для реформатора отрыв от общества, потому что программа и практическая политика Фейсала включали также подтверждение верности учению ислама, готовность защищать его. Преданность Фейсала традиционным ценностям позволяет, на наш взгляд, определить конечную (хотя открыто и не заявленную) социально-политическую цель его программы реформ как вдвойне охранительную. С одной стороны, он стремился удержать за собой и своим кланом монополию на власть, с другой — закрепить в ходе им же вызванных изменений акцент на социальной преемственности и общественной стабильности. Благодаря опыту управления в условиях кризиса, приобретенному им еще в конце 50-х годов, Фейсал хорошо понимал, как трудно добиться первого без второго. Может быть, именно поэтому ему удалось в целом решить обе задачи. В этом отношении Фейсал заметно отличался от шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, пошедшего в своей политике ускоренной модернизации и вестернизации Ирана на прямой разрыв с традиционными социальными силами.

На стороне Фейсала оказались: давняя, привычная для общества монархическо-патерналистская традиция регулирования общественных отношений; мощные источники валютного финансирования, позволявшие быстро нейтрализовать вносимые почти всякой реформой элементы экономической дестабилизации; возможность начать процесс перемен преимущественно в хозяйственной сфере и при этом обеспечить сравнительно быструю отдачу от него широким массам населения. Все это дало возможность избежать перерастания противоречия между намеченными королем-реформатором целями и развернувшимися уже независимо от его воли процессами в открытый и острый конфликт.

Кроме того, Фейсал и его преемники успешно применяли тактику сочетания репрессий и уступок. Когда в Джидде была открыта первая телевизионная станция и толпа фанатиков вознамерилась ее разрушить, ибо изображение человека противоречит канону ислама, Фейсал отдал приказ полиции стрелять. Но одновременно вновь созданное министерство образования было поручено возглавить фанатичному религиозному деятелю, а в программе телевизионного вещания до половины эфирного времени отдано религиозным передачам.

Крупным событием в политической жизни королевства был захват мечети Аль-Харам в Мекке в ноябре 1979 г. Его осуществила вооруженная группа фанатиков, недовольных проамериканской ориентацией внешней политики королевства, отходом от «истинных норм ислама» и коррупцией верхов. Саудовские власти жестоко подавили восстание, не объявили страну «исламским королевством», не запретили игру в футбол и т. п. Но с телевизионного экрана исчезли дикторы-женщины, были ужесточены меры против взяточничества и коррупции, возросли ассигнования на строительство новых мечетей.

За десять с небольшим лет пребывания у власти саудовский реформатор выполнил задачи, поставленные им в сфере экономики: уровень жизни населения взрывообразно вырос, создана и успешно развивается национальная промышленность (в том числе обрабатывающая частного сектора), проложены сети автомагистралей, нефте- и газопроводов, телефонных линий, создана современная финансовая инфраструктура. В социальной сфере также достигнуты значительные успехи: построены тысячи школ, начальное образование стало обязательным, широкое распространение получили бесплатное среднее и высшее образование, все подданные имеют возможность пользоваться бесплатной медицинской помощью, государство поддерживает нетрудоспособных, престарелых, инвалидов. Развивается светская юридическая система, органы государственной и административной власти функционируют на западном уровне, хотя не всегда столь же эффективно. Таким образом, достигнуты цели, которые ставили перед собой левые радикалы, но против которых не возражали и традиционные верхи, сумевшие найти выгодные места в обновленной экономической жизни, — и это несмотря на то, что к моменту начала преобразований общество в целом было недостаточно подготовлено для восприятия нововведений, и лишь благодаря поддержке Запада, твердой и одновременно довольно гибкой политике государства они не были отторгнуты, постепенно из анклавных стали повсеместными.

Однако два пункта программы Фейсала практически не были выполнены. До настоящего времени не введена конституция, не создан парламент, да и права Консультативного совета при короле и местной администрации едва-едва расширены. Правящая семья Саудидов по-прежнему удерживает ведущие позиции в госаппарате, армии и службе безопасности, с группой крупной буржуазии делит контроль над экономической жизнью страны.

В начале реформ Фейсал обещал немалые либеральные перемены в политической жизни страны. Но, как стало ясно позднее, то были пустые фразы, направленные на успокоение радикалов. Как только была устранена экономическая основа для массового недовольства и наметилась опасная для Саудидов самостоятельность местных предпринимателей и интеллектуалов, Фейсал отбросил свои обещания. В 70—80-е годы, играя на политическом равновесии традиционных и современных структур, так же поступали и его преемники, благо поток нефтедолларов позволял систематически отодвигать проблему политических преобразований на второй план общественной жизни.

По существу, в Саудовской Аравии политические противоречия реформ не обрели еще решающей силы, они как бы вынесены в будущее. Но, по мере роста национальной буржуазии и интеллигенции, режиму — если он не хочет вступить в полосу острой внутривнутриполитической конфронтации — придется пойти на значительные уступки в вопросе о создании представительных учреждений. Пока же Саудида ограничили тем, что построили здание парламента.

В свете опыта саудовских реформ становится заметной односторонность взгляда некоторых политологов на развитие освободившихся стран. По их мнению, основная причина политической нестабильности в этих странах заключается в отста-

вании процесса модернизации политических институтов⁵. По нашему мнению, именно это отставание в значительной мере способствовало тому, что реформа в Саудовской Аравии не сопровождалась глубоким политическим кризисом, в то время как некоторое, пусть даже более показное, чем реальное, поощрение шахским режимом в Иране современных форм политической активности немало способствовало падению монарха-реформатора и созданной его реформами политической системы.

Сила традиционных институтов зиждется не только на воле правителя и инерционности массового сознания. Каждый такой институт выполняет в реальной жизни важные функции, а все вместе они обеспечивают системную прочность общества, переживающего болезненный процесс вступления в русло общемирового цивилизационного развития, синтеза разнородных элементов традиционализма и современности в новое качество. В случае резкого слома традиционных институтов эта системность нарушается, и в период выработки нового механизма социальных связей общество платит за его становление жестокую цену в виде той или иной формы авторитарного правления.

С саудовским образцом перекликаются реформы в других аравийских монархиях, особенно в Кувейте. В 1962 г. эмир Абдаллах ввел конституцию и современное судопроизводство, созвал представительное собрание, начал всемерно поощрять развитие национального частного капитала, модернизировал трудовое законодательство. При этом эмир лавировал, дабы в максимальной степени сохранить традиционные основы жизни и власти: из 33 тыс. коренных взрослых жителей страны к первым выборам в январе 1963 г. было допущено лишь 11 тыс.; согласившись на создание профсоюзов, эмир пресекал любую политическую деятельность трудящихся; выгоды от государственной помощи частному сектору достались в основном родо-племенной аристократии, крупным торговцам и верхушке чиновников. Тем не менее движение, начатое реформами Абдаллаха, завершилось прорывом Кувейта из средневековья в современность.

Реформы в Эмиратах Залива были не столь динамичными, как в Саудовской Аравии и Кувейте. Однако, в случае необходимости, тамошние правители действовали едва ли не жестче, чем Фейсал или Абдаллах. Вот характерный эпизод. Шейх Зияд (правитель Абу-Даби), стремясь устранить одно из главных препятствий на пути повышения продуктивности и товарности крестьянского хозяйства, пригрозил всем владельцам водных источников, что они будут лишены права пользования водою из нового, построенного государством фалляджа в районе Эль-Айн, если сами не будут бесплатно отпускать воду мелким земледельцам. Орошение из частных источников не стало все-таки бесплатным, но порядок отпуска воды был отрегулирован, а ставки оплаты — снижены⁶.

Взятые в исторической статике, без учета вскоре проявившегося самодвижения общества по пути изменений, показанные выше реформы можно классифицировать как выборочную, частичную модернизацию. В самом деле, во внутривнутриполитической сфере преобразования оказались минимальными, в повседневном быту, культуре, в семейных отношениях, межличностных и лично-групповых связях, ценностных ориентациях традиции прошлого в общем остались в силе. Но в действительности итоговая оценка аравийских реформ должна быть другой.

Фактически здесь мы сталкиваемся с реформой системы, внешне весьма похожей на реформу внутри системы. Вне зависимости от личных целей аравийских монархов и поверхностных черт общественной жизни реформы привели к созданию исходных возможностей для быстрого капиталистического развития, т. е. для перехода общества в качественно новое состояние. Этот вывод не противоречит тому факту, что в отдельных важных областях общественной жизни пределы изменений были не только изначально сужены, но и прямо ограничены социальным обликом реформаторов, их прагматическими властными устремлениями, а также некоторыми конкретно-историческими внутренними условиями.

⁵ В этом отношении особенно показательны взгляды С. Хантингтона. См.: *S. Huntington. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968.*

⁶ *Якуб Юсеф Абдалла. Объединенные Арабские Эмираты. М., 1978, с. 82.*

Охранительный и упреждающий характер реформ Фейсала и других аравийских монархов не столько помешал, сколько способствовал сдвигу от одного типа реформ к другому. Он обеспечил спасительную для реформ неполноту разрыва с прошлым, что дало политическую стабильность (редкое явление в обстановке крутых перемен) и запас времени, необходимый для того, чтобы первоначально скромные изменения развернулись в изменения такого масштаба и глубины, которых, пожалуй, не ожидали сами аравийские правители.

Представляется, что главное противоречие аравийских реформ как раз и было противоречием между намечавшимся и реально утвердившимся типами преобразований. Оно разрешилось положительным образом, т. е. путем отчасти регулируемого, отчасти стихийного перехода одного типа в другой. А это разрешение стало итогом сложного взаимодействия более конкретных противоречий (между целями и условиями реформ, между властной и реформаторской функциями субъекта, между разными уровнями интересов объекта и между его разными социальными компонентами), которые можно суммарно определить как органические реформы, неизбежные и в специфических аравийских условиях решаемые в основном средствами самой реформы.

Посмотрим теперь, насколько эти выводы приложимы к опыту реформ в Туркестанском крае.

ТУРКЕСТАН: РЕФОРМЫ ВНУТРИ СИСТЕМЫ

Как и многое из того, что не вписывалось в прямолинейную схему, в соответствии с которой генеральной линией развития России XIX в. был революционный процесс, эти реформы десятилетиями не привлекали внимания советской историографии. Сейчас о них вообще мало кто помнит, кроме маленькой кучки специалистов. Поэтому мы сочли уместным, прежде чем определить тип и основное противоречие этих реформ, дать их краткое систематическое описание.

Основы российской политики по управлению колониями постепенно складывались в ходе долгого завоевания Кавказа и, в связи с тем же кавказским «предприятием» России, так были сформулированы позднее видным государственным деятелем Д. А. Милютиным: «Чтобы горцы терпеливо несли иго русского владычества, одно необходимое условие то, чтобы они были убеждены в неприкосновенности их религии, обычаев и образа жизни (. . .) мы должны всеми силами стараться согласовать наше владычество с интересами самих горцев как материальными, так и нравственными (. . .) Горцы должны быть убеждены, что Россия так могущественна и велика, что не имеет никаких притязаний на их ничтожное достояние»⁷. После завоевания Туркестана здесь были широко использованы идеи, созвучные милютинским: царская Россия активно способствовала экономическому развитию края в той мере, в какой это было ей выгодно и необходимо, действуя методами, наиболее подходившими к местным условиям.

Первые 14 лет существования Туркестанского края как особого административного образования в составе Российской империи (1867—1881) он находился под управлением генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана, одного из ярких представителей либеральной эпохи «Освободителя». Устранив в первую очередь явно отжившие нормы местной жизни (рабство), Кауфман в дальнейшем провел по своей инициативе под своим руководством три крупные реформы. Они были проведены по существу в условиях военного управления, не стесненного какими-либо законодательными актами (соответствующее Положение об управлении краем было принято уже после отставки Кауфмана и в целом санкционировало изменения, внесенные за годы его правления в общественно-производственный организм новой колонии).

Земельная реформа. Основную массу населения Туркестанского края составляли сельские жители. В момент присоединения большая их часть вела оседло-земледельческий и полукочевой образ жизни, меньшая — кочевой. Приступая к реформам, колониальная администрация сознавала, что неправиль-

⁷ Дневник Д. А. Милютина 1873—1875. Т. I. М., 1947, с. 10.

ная постановка и разрешение вопроса о земле могут иметь печальные последствия для судьбы новой власти, и поэтому стремилась проводить взвешенную, рассчитанную на долгий срок аграрную политику.

В 1873 г. Кауфман предложил правительству, чтобы земли, находившиеся в фактическом пользовании оседлого населения, получили статус частновладельческих — с правом наследования и отчуждения, но при сохранении за государством прерогатив верховного собственника. В объяснительной записке к своему проекту генерал-губернатор дал крайне интересное обоснование такому соподчинению земельных прав: земельные отношения при их юридическом оформлении должны, с одной стороны, учитывать традиции общества, в котором центральная власть издавна играла важную роль в организации орошаемого земледелия, с другой — не противоречить принципам политической экономии, выработанным на основе европейского опыта, доказавшего высокую эффективность хозяйственной деятельности частных собственников⁸. Проект Кауфмана был утвержден в 1877 г., но сразу же после его подачи генерал-губернатор получил возможность претворять его в жизнь. В ходе реализации проекта он очень быстро принял облик настоящей земельной реформы⁹: на орошаемых землях прежние держатели получили частновладельческие права; введена единая норма поземельного обложения; были взяты в казну неэффективно управлявшиеся вакуфы и резко ограничены возможности для учреждения новых вакуфов. В целом земельные отношения в оседло-земледельческих районах были реформированы таким образом, что окончательно установилось естественно наметившееся уже ранее преобладание мелкого крестьянского хозяйства, не только свободного от каких-либо повинностей и выкупных платежей (столь отягощавших хозяйство крестьян Центральной России), но и облагаемого вдобавок сравнительно низким налогом. А в 1886 г. было отменено верховенство прав государства на частновладельческую землю, и в его собственности остались только воды, леса и хозяйственно неиспользуемые земли.

Несколько иначе были отрегулированы земельные отношения в зоне кочевого и полукочевого хозяйства. Сначала фактически, а потом и юридически формально государственные земли были отданы в бессрочное пользование местного населения, причем в 1886 г. за ним было закреплено исключительное право такого пользования. Правда, стихийная русская крестьянская колонизация приводила к довольно частым нарушениям земельных прав кочевников. Но во многих случаях (если не в большинстве их) для решения проблемы переселенцев «государственные, т. е. казенные, земли приобретались казною у лиц, не имевших права их отчуждать, и поступали в качестве вновь государственных русским переселенцам»¹⁰. Это существенно сужало поток переселенцев, и, если исключить область Семиречья, осваивавшуюся сибирским казачеством еще с 1831 г., европейское по происхождению сельское население Туркестана насчитывало на начало 1911 г. всего 75 тыс. человек¹¹.

Земельная реформа создала благоприятные условия для экономического подъема края. В том же направлении действовали прекращение войн и набегов кочевников, массовое оседание последних на землю, проведение ирригационных работ в Голодной степи и на реке Мургаб, внедрение в земледелие новых продовольственных и технических культур¹², ускоренное развитие товарных отраслей сельского хозяйства (хлопководства, шелководства, виноградарства) и, конечно же, подключение к огромному всероссийскому рынку. Все это происходило при сохранении традиционной хозяйственной структуры, но с одновременным повышением

⁸ Изложено по: *Ор. Шканский*. Аму-дарьинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Аму-Дарье. Ташкент, 1900, с. 141—158.

⁹ Всего поземельно-податные комиссии утвердили в частном владении около 2 млн. га орошаемых земель! *В. И. Юферев*. Хлопководство в Туркестане. Л., 1925, с. 7).

¹⁰ *В. Воцинин*. Очерки Нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб., 1914, с. 15.

¹¹ Подсчитано по: *В. И. Масальский*. Туркестанский край. СПб., 1913, с. 332.

¹² В их внедрении большую роль сыграли русские крестьяне-переселенцы (Н. Касымов. Прогрессивное значение образования русских поселений в Ходжентском уезде. Душанбе, 1968, с. 23).

эффективности использования ее ресурсного, прежде всего трудового, потенциала. Как писал Кауфман, «строгие, своеобразно исключительные природные требования приучили туземное население к замечательно энергетической хозяйственной деятельности, отчего весь склад народного экономического быта, опирающийся на хорошо организованный общественный труд, в самом основании своем имеет высокое культурное, прогрессивное направление»¹³. Только за последние 14 лет русского господства доходы от края составили более 10 млн. руб., сумму по тем временам немалую. Все отрасли хозяйства двинулись вперед, появились признаки зарождения местного капиталистического уклада (в первую очередь в лице владельцев «туземных» хлопкоочистительных заводов).

Реформа местного самоуправления и суда. В этих областях Кауфман действовал более осторожно. В программной речи, произнесенной им в Ташкенте в январе 1868 г., и в Объяснительной записке на высочайшее имя, составленной в начале 80-х годов (а издана она была уже после отставки Кауфмана), он развивал следующие положения. Население само должно выбирать своих ближайших начальников; если этим займется русская администрация, она неизбежно будет впадать в ошибки; это может привести к попаданию на должность людей «не только малоспособных, но даже не всегда годных по своим нравственным качествам»; назначение же негодных и неспособных правительственной властью «роняло бы в глазах народа ее авторитет». Что касается сохранения народного суда (в кочевых районах — по адату, в земледельческих — по шариату), то он «нужен населению, как согласующийся с его бытом, понятиями и традициями, преждевременная ломка которых может принести более вреда, чем пользы», и потому «должен быть оставлен и на будущее время, с присвоением ему лишь лучшей организации»¹⁴. Разумеется, русские и вообще европейцы не должны были подпадать под его юрисдикцию, зато «туземцы», при согласии обеих тяжущихся сторон, могли обращаться в европейский суд.

С некоторыми отступлениями от первоначальной программы сельскому населению действительно было предоставлено право избирать своих аульных и волостных начальников, а также судивших по обычному праву биев и по мусульманскому — казиев. В городах низший уровень власти и суды формировались по сходным принципам. Единственным, но весьма важным исключением был Ташкент — в нем с 1877 г. существовали: городская дума, гласные которой на $\frac{2}{3}$ избирались русской частью города, на $\frac{1}{3}$ — азиатской, и аналогично составленная городская управа.

Практически эти меры означали, что новая верховная власть признает старую власть родовых старшин, квартальных и деревенских старост, исламских законоведов, но признает не автоматически, а через волеизъявление подданных. Параллельно создавались некоторые возможности для выдвижения новых людей, чей авторитет был не наследственным, а приобретенным. В сознание населения внедрялась идея выборности должностных лиц, в кочевых районах на деле способствовавшая падению влияния родовой аристократии. В Ташкенте появилась тонкая прослойка лиц, хотя бы внешне усвоивших приемы управления на европейский, точнее, российский манер. Определенное доверие завоевал русский суд, в последние годы империи отмечены случаи обращения в него даже деревенских жителей коренных национальностей. В целом с точки зрения обеспечения политической стабильности реформа была успешной. Недаром чиновник, ревизовавший результаты деятельности Кауфмана, заключал: «Ввиду умиротворения края и засвидетельствованной ревизией политической благонадежности населения, не представляется надобности в чрезмерном усилении административной власти в отношениях ее к местной гражданской жизни»¹⁵. Но вот в плане стимуляции перемен воздействие этой реформы было куда слабее воздействия земельной.

¹³ Проект Всеподданнейшего отчета Генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867—25 марта 1881 г. СПб., 1885, с. 309.

¹⁴ Объяснительная записка к проекту Положения об управлении Туркестанским краем. [Б. м.], [б. г.], с. 41, 75, 77.

¹⁵ Там же, с. 49.

Ни лишить своих восточных конкурентов традиционного авторитета, ни компенсировать их недостатки европейские элементы местного самоуправления и судопроизводства не смогли. Именно на этом основании В. В. Бартольд и вынес свой приговор: «Ни Кауфману, ни его преемникам не удалось создать такое народное управление, которым бы дорожили сами туземцы»¹⁶.

Политика в области народного образования. Новая власть была непосредственно заинтересована в широком развитии системы светского образования для коренного населения. Генерал-губернатор придавал особое значение совместному воспитанию русских и «туземных» детей. Объясняя императору смысл своей культурно-образовательной политики, он подчеркивал, что между традиционной мусульманской школой и русской «лежит такая глубокая рознь, что существование одной безусловно подрывается и исключает другую. Будучи религиозною и конфессиональною, а с тем вместе и политическою (ибо эти две стороны в понятиях мусульман неразрывны), школа туземная не должна рассчитывать на сочувствие русской власти. Но столь же очевидно, с другой стороны, что прямое упразднение ее [. . .] вызвало бы в отношении к нам ожесточение, тем более справедливое, что упраздненную туземную школу мы не нашли бы и чем заменить»¹⁷. Предполагалось, что новые потребности общественной и государственной жизни, создавшиеся с приходом русских, будут обесценивать знания, приобретаемые в мектебах и медресе, и значение этих учебных заведений будет падать.

Надежды Кауфмана и его окружения на мирное и быстрое вытеснение старой мусульманской школы не оправдались. Если ее позиции и были поколеблены, то не русской школой, а новометодными татарскими мектебами. С точки зрения колониальной администрации, они готовили людей, способных в будущем с реформистских позиций консолидировать исламскую оппозицию русской власти. Но и число заведений с ортодоксально-догматическими методами мусульманского обучения не сокращалось. Более того, после первоначального всплеска популярности русской школы с середины 80-х годов наметилась тенденция к падению удельного веса детей «туземцев» в составе ее учащихся, особенно характерная для заведений более высокого уровня¹⁸. Отчасти это может быть объяснено тем, что с воцарением Александра III школу в Туркестане, как и на других «иностранческих» окраинах, стремились сделать орудием русификации. Но главная причина была в другом. Мусульманская школа служила символом и залогом культурной преемственности, идентичности местного общества и не могла упасть в глазах коренного населения только лишь потому, что по каким-то позициям проигрывала сравнению с русской.

Оценивая в целом реформистский период колониальной истории Туркестана, следует, видимо, признать, что за 14 лет правления Кауфману удалось достичь многого. Даже с учетом явной апологетичности его отчета о своей деятельности ясно, что Кауфман не слишком приукрашивал действительность — как она ему виделась в момент расставания с Туркестаном. «Экономическое благосостояние края, поставленного в благоприятные условия, возросло и поднялось повсеместно до уровня, неслыханного при туземных правительствах. О том свидетельствует быстрое увеличение народонаселения не менее 4 % и еще более значительное увеличение запашки и промыслов, разрастание культурных оседлостей, деятельных промыслов, торговой и земледельческой эмиграции из соседних владений < . . . >. Успокоенное материально и ненасилуемое в нравственном своем быте, не видя ни покровительства и уступчивости, ни гонения своей религии, население остается глухим к беспоконным проповедям доживающих или пришлых фанатиков < . . . >. Грозное пугало всех прежних русских мероприятий, „шариат“ настолько утратил в настоящее время свое тормозящее значение < . . . >, что никаким правительственным мероприятиям в наших среднеазиатских владениях,

¹⁶ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. — Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963, с. 359.

¹⁷ Проект Всеподданнейшего отчета. . . , с. 437.

¹⁸ См.: В. В. Бартольд. Указ. соч., с. 300—301; В. И. Масальский. Туркестанский край, с. 339.

если они сообразны с пользами экономического и гражданского устройства страны, в настоящее время уже не в состоянии противостоять серьезной преградой господствующая в крае религия»¹⁹.

Реформы Кауфмана в Туркестане во многом сопоставимы с аравийскими — и по исходным характеристикам объекта, и по тому, что начальный толчок перемен был дан извне, и по основным предварительным условиям. Важно также, что при обеих моделях предполагалось не противоборство новых и старых элементов в экономике, общественном устройстве, культурной жизни, а их симбиоз, постепенно перерастающий в синтез. Отсюда — столь заметный в обеих моделях акцент на преемственности и стабильности. Но на этом сходство в основном кончается, начинаются различия.

Прежде всего, следует указать на несовпадение самих типов преобразований. Оно выявилось уже во время реформ, но особенно отчетливо — в последовавшие за ними годы. И в Аравии, и в Туркестане реформаторы намечали лишь определенную модернизацию существовавших порядков. Но в аравийских монархиях преобразования быстро переросли уготованные им рамки, обернувшись незавершенной реформой системы. В генерал-губернаторстве пределы, положенные Кауфманом, так и не были превзойдены естественным ходом эволюции, инициированной действиями власти. Одновременно в программе и способах претворения в жизнь задуманных Кауфманом мер проступают некоторые черты санкционирующей реформы (сильнее всего в области местного самоуправления и суда). По совокупности этих признаков можно утверждать, что реформа в Туркестане осталась реформой внутри системы, притом такой, которая активизировала внутренний потенциал системы без изменения ее главных сущностных характеристик. Данный вариант реформы, как уже отмечалось, требует целой серии импульсов, возмещающих нехватку энергии перемен у реформируемого общества, а значит, очень сильно зависит от последовательности политического курса метрополии, от появления новых реформаторов масштаба Кауфмана (если не крупнее) в колонии, от благоприятной внешнеполитической обстановки. Туркестану таких условий не предоставилось.

За три с половиной десятилетия, истекшие после отставки Кауфмана, в развитии края обнаружился тревожные симптомы. Чем прочнее утверждалась здесь культура хлопка, а регион интегрировался в систему всероссийского рынка, тем острее становились для его жителей неизбежные спутники внедрения товарно-денежных отношений в ткань докапиталистического общества: эксплуатация непосредственных производителей торгово-ростовщическим капиталом, усиление зависимости дохода и потребления от рынка и привозного хлеба, ослабление защитных функций традиционных социальных институтов, рост преступности²⁰.

Возможность погашения кризисных явлений силами самого общества и без возврата его назад блокировалась извне и изнутри. Во-первых, туркестанский хлопок по ряду причин мог конкурировать с американским лишь при условии его субсидирования государством²¹. Основанный на хлопководстве экономический подъем края слишком сильно зависел от состояния дел в метрополии. А это было чревато мгновенным возникновением такого противоречия между ею и колонией, которое скорее всего могло разрешиться отрицательным образом — разрывом хозяйственных связей, переориентацией экономической активности населения на культуры, обеспечивающие самопотребление, попятным движением объекта реформ от рынка и открытости к натуральному производству и замкнутости, что и произошло в 1917—1920 гг., когда хлопок почти исчез с полей Средней Азии²².

¹⁹ Проект Всеподданнейшего отчета... с. 9, 10, 11.

²⁰ Так, в 1909 г. преступность в Фергане (включая действия, квалифицируемые как преступления против власти) вдвое превысила средний по империи уровень (В. В. Бартольд. Указ. соч., с. 385).

²¹ Это выражалось в льготном налогообложении занятых под хлопком земель, искусственной поддержке высоких цен на сырец, таможенной защите туркестанского хлопка и т. п. Подробно см.: В. И. Юферева. Указ. соч., с. 20—66.

²² И в результате к 1921 г. объем производства хлопка упал до 6 % предвоенного (И. А. Акин. Средняя Азия. Экономико-географический очерк Кара-Калпакстана, Киргизстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Ч. 1. М., 1931).

Во-вторых, тот же хлопок — и в этом его принципиальное отличие от аравийской нефти — поставил на острие экономического бума не какой-то новый, реформами рожденный социальный слой, а людей, издавна составлявших становой хребет туркестанского общества. Основная масса хлопка-сырца производилась крестьянами. Конечно, были отдельные примеры образования латифундий, сформировалась и стала перемещаться по стране армия сезонных сельскохозяйственных рабочих, начались расслоение и обезземеливание дехкан, но все же до коллективизации 30-х годов мелкое крестьянское хозяйство, основанное на семейном труде, оставалось главной организационной формой в хлопководстве. А это означало, что крестьянская семья, эта первичная, наиболее устойчивая и преданная традиции социальная ячейка, дальше всех других ячеек отстоявшая от колониального субъекта и его новаций; ячейка, попавшая в положение лидера процесса субъектной активизации местного общества, но по условиям своей жизни вряд ли способная соответствовать этому положению во всех видах деятельности, кроме разве что трудовой, — эта ячейка, если судить о ней с точки зрения требований, предъявляемых программой колониальной модернизации, к реформируемым оказывалась одновременно и самым необходимым, и самым уязвимым гарантом необратимости результатов реформ. И действительно: руки дехканина рыхлили почву для настоящего экономического переворота, а его мысли устремлялись к прошлому, и воспоминания об ужасах ханских усобиц смывались потоком негодования, вызванного не столько притеснениями доморожденных Шейлоков, сколько общим ощущением утраты относительной целостности и неизменности прежнего жизненного устроения.

У других социальных групп тоже было немало оснований забыть о том, что вместе с русскими штыками в крае воцарился мир, были пресечены крайние формы произвола, открылись прежде невиданные перспективы обогащения, возвышения, миропознания. Ибо в противовес всем этим преимуществам «туземцы» получили: фактическое правовое неравенство с «белыми»; администрацию, преисполненную поистине умиленной веры в собственное превосходство над «нецивилизованными» подданными; разного рода конфликты с русскими переселенцами; православные церкви, символизировавшие торжество чужой веры; публичные дома с персоналом из местных женщин²³. В целом русская власть не сумела создать сколько-нибудь надежной и прочной социальной базы, и даже «почетные туземцы» усиленно фабриковались ею в крупных городах, в любой момент были готовы переметнуться на сторону мусульманского духовенства, затаившегося в скрытой, но оттого ничуть не ничтожной оппозиции²⁴.

Прошло время; прошел шок от блистательных побед русской регулярной армии над нестройными толпами, наспех собиравшимися на поле брани ханами и беками; четко обрисовались пределы возможностей, созданных реформами для коренного населения; победители обнаружили свои слабости — подкушность, неуважение к собственным законам, склонность к пьянству и воровству; ощущение угрозы вековому порядку жизни стало проникать в толщу крестьянских масс, и они, прежде довольно равнодушные к тому, что творится на вершине пирамиды власти, все больше верили муллам и ишанам, прямо связывавшим беды мусульман с господством кяфиров, — и вот настал момент, когда только новый тур реформ мог бы прервать начавшуюся традиционалистскую ревизию того направления общественного развития, что все же обозначилось благодаря реформам Кауфмана. Однако на требования момента начальство в колонии ответило примерно так же, как начальство в метрополии. Охранительные тенденции в политике решительно задавили прогрессистские начинания, задача сохранения власти — задачу «реформирования реформ».

²³ Об этом см.: В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Бухары. Казань, 1886, с. 235—243.

²⁴ Например, «во время холерного бунта в Ташкенте в 1892 г. . . временно возбудили подозрение своими действиями такие лица, как казий Мухитдин и ишан Абу-л-Касим, до тех пор более всего выделявшиеся среди туземцев своими верноподданическими речами и заявлениями» (В. В. Бартольд. Указ. соч., с. 374).

Первое серьезное предупреждение прозвучало в 1898 г. То был Андиганский бунт. Спустя 18 лет, летом 1916 г., вспыхнуло и прокатилось от Арала до Иссык-Куля восстание многих тысяч туркмен, узбеков, казахов и кыргызов. Непосредственно спровоцированное мобилизацией мужчин этих национальностей на трудовой фронт, оно представляло собой сложное явление, нуждающееся в непредвзятом комплексном исследовании, в новой интерпретации. Несомненно тем не менее, что в его подоплеке сплелись чувства протеста, вызванные глубоким социальным кризисом, и устремления народов региона к историческому самоутверждению через восстановление государственности, к защите национально-культурной (или этноконфессиональной) идентичности. Восстание требовало от царской России большего, чем простые репрессивные меры, и, судя по дневнику последнего наместника края А. Н. Куропаткина²⁵, по крайней мере верхушка колониальной администрации это понимала. Но ни у нее, ни у «белого царя» и его министров уже не было времени для проведения новых реформ в Туркестане. . . .

Бесспорно, реформа Кауфмана породила куда меньше органических противоречий, чем, скажем, реформа Фейсала, и была слишком хорошо сбалансирована, чтобы породить сколько-нибудь опасные неорганические противоречия, как то сделала «белая революция» в Иране. Но тут как раз и скрывается главный изъян генерал-губернаторских нововведений. Генеральное противоречие аравийских преобразований — между проектировавшимися и утвердившимися типами реформ — в Туркестане в лучшем случае осталось в зародыше. Главным источником противоречий здесь стала родовая особенность всех вообще реформ внутри системы — подавляющий приоритет стабильности. Почему? Потому, что стабильность эта обеспечивалась монополией власти на роль субъекта изменений. Одно с другим было неразрывно. Первейшей целью Кауфмана (не говоря уже о его преемниках) была цель имперской политики, неприемлемая или просто чуждая для местного общества, — сохранение русского владычества. А она, по понятиям колониальной администрации, не могла достигаться иначе, как путем сохранения резкого различия в национально-культурной идентичности субъекта и объекта либо утраты этой идентичности объектом.

В результате обязанная своим появлением реформе созидательная активность азиатских подданных никак не могла выплеснуться за рамки хозяйственной деятельности. И мы убедились, насколько и здесь были беззащитными от любого «похолодания» в метрополии ростки нового в колонии. Прочие инициативы реформатора были слишком умеренными, чтобы наложить действительно неизгладимый отпечаток на облик общества, и не вызвали соизмеримого с замыслом ответа. Но это не прошло бесследно и для судьбы экономических сдвигов. Они, не могли быть смягчены такими представлениями и институтами (например организуемыми с помощью государства институтами социального страхования и дешевого кредита), которые одновременно были бы и новыми, и относительно легко легитимизируемыми, приемлемыми с точки зрения традиции. А так как люди не могут жить без социальных гарантий и утешительных мифологем, дополнительно упрочился и без того высокий авторитет обеспечивавших то и другое старых институтов и ценностей — включая тот самый шариат, который Кауфману казался навсегда укрощенным. Они были поколеблены завоеванием, но, во имя сохранения стабильности, почти не затронуты реформой; изрядно эрозированный рынком, они много потеряли от своей эффективности в деле социальной гарантий, но с лихвой компенсировали эту утрату за счет идеализации «до-русского» общественного состояния. В конечном счете они вновь и вновь воспроизводили гибельное для реформы отчуждение объекта от субъекта.

²⁵ Опубликован в журнале «Красный архив» (1929, т. 14).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы установили, что Аравия и Туркестан демонстрируют два типа инициирующей реформы. В первом случае это — реформа системы, во втором — реформа внутри системы. Каждому типу соответствует свое ведущее противоречие. Вместе с тем у двух реформ много общего. Их сближают существенные характеристики объектов. Обе реформы замыслились скорее как фрагментарная модернизация, чем как всесторонний переворот. В обоих регионах даже и при таком умеренном подходе некоторые замыслы реформаторов все равно забегали вперед — сравнительно с готовностью общества к их восприятию. В той и другой реформе делался сильнейший акцент на преемственность и стабильность, а первоначальные импульсы изменений (по отношению к Аравии — в значительной мере, по отношению к Туркестану — целиком) генерировались извне. И в том, и в другом регионе изменения, вызванные реформами, концентрировались в социально-экономической области и почти не происходили в политической. Наконец, обе реформы проводились сугубо авторитарными методами.

Чем больше совпадений, тем настойчивее вопрос: почему же все-таки аравийская реформа стала реформой системы, туркестанская — реформой внутри системы? Повторим еще раз: ситуационные различия сыграли важную роль, но вряд ли — решающую. Принципиальное значение имело различие другого рода. В Аравии объект реформаторских усилий перешел к активному историческому творчеству в русле изменений, начатых реформой. В Туркестане аналогичная активность была куда более слабой, узкой; когда же произошел ее прорыв за пределы хлопководства, он был равнозначен попытке общества свернуть с пути, намеченного реформатором.

Таким образом, поведение объекта во многом предопределило типы реформ. Но от этого еще не снимаются всевозможные «почему». В самом деле, Фейсал и эмиры тоже ведь «подрезали крылышки» своим подданным, а по свирепости удара, нанесенных ими недовольным реформой, далеко превосходили генерал-губернатора. Чем же тогда объясняются их успехи и выяснившаяся со временем задача Кауфмана?

Тут следует обратиться к историческим различиям, но не ситуационного, а кумулятивного происхождения, т. е. к различиям, накопленным ходом всемирно-исторического процесса за десятилетия, разделяющие две реформы. Именно они перевели некогда самодовлеющую силу метрополий в низший разряд, в разряд влияния внешнего фактора; они же в корне изменили природу субъекта реформ, практически повсеместно сделав таковым национальное государство. Наступило время реформ системы — и не столько потому, что сознательный выбор власти в их пользу сделался более вероятным, сколько потому, что из процесса реформ на Востоке было устранено крупнейшее противоречие между субъектом и объектом, прежде почти всегда разрешавшееся отрицательным образом.

Выше мы говорили о сходстве двух реформ по признаку авторитарности. Однако авторитарность аравийских монархов сочеталась с легитимностью их власти для большинства населения. Авторитарность колониального управления в Туркестане держалась на одном только праве сильного. Ни в Аравии, ни в Туркестане не было и не появилось формализованных политических институтов, служивших бы передатчиками сигналов, идущих к власти от общества. Но если в первом регионе эти сигналы могли прослушиваться по линиям национально-культурной и этноконфессиональной связи между «низами» и «верхами», то во втором ничего подобного не имелось и даже не начало создаваться.

Этот вывод актуален и для нынешнего положения в СССР. В столь гетерогенном обществе, как советское, главная трудность распространения стратегии реформы, выбранной союзной властью, на республики заключается, видимо, в значительной культурно-исторической отчужденности этой власти от подданных в республиках. Теоретически, конечно, допустима возможность взаимопонимания и сотрудничества сторон; практически на протяжении 1985—1990 гг. она вновь и вновь истончалась в хрупкий шанс, в ниточку, легко прерываемую любой политической случайностью. Суверенизация республик советского Востока

тоже не гарантирует легкого пути — уже хотя бы потому, что их руководство в той или иной мере усвоило идеологию большевизма, в соответствии с которой жизнь управляема и должна осознанно смиряться со своей управляемостью. Тем не менее носители власти в республиках причастны к историческому наследию своих народов, разделяют, хотя бы частично, их национальные чувства, живут и действуют в ландшафтном и вещном окружении, еще сохраняющем — несмотря на безжалостную нивелировку, произведенную плановым хозяйством, — то вековое своеобразие, которое формовало национальные характеры.

Не следует также переоценивать степень лояльности центру «туркестанских» президентов и депутатов. Она, как минимум, наполовину идет не от верности партии, «социалистическому выбору» или конкретным лидерам в Москве, а от выработанного историей и освященного цивилизационными традициями глубокого уважения к высшей власти как таковой. Но власти — легитимной, т. е. предсказуемой, эффективно патронирующей, уверенной в себе, не опускающейся до мелких уверток, не покушающейся на обычаи подданных, их идентичность. Решая возникавшие перед ней тактические задачи, нынешняя союзная власть не раз и не два изменяла этим критериям легитимности — и тем самым подрывала свой авторитет в среде республиканского начальства. Между тем декларации о суверенитете, отчасти инициированные тем же центром — дабы обесценить свободолюбивые порывы российской оппозиции, — постепенно становятся для республиканских руководителей залогом легитимности их собственной власти, для народов — значимыми символами субъектного самоутверждения. Короче, «процессы идут», интересы сближаются, между правящими и управляемыми в республиках протягиваются новые линии связи, что может привести к попытке силой взять у наследников метрополии право на самостоятельное историческое действие.

АКТУАЛЬНО

Люди, люди — это самое главное. Люди дороже даже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а... только веками выделяются... Ускорять же искусственно необходимые и постоянные исторические моменты жизни народной никак невозможно.

Ф. М. Достоевский